

12+

Евгений Юрьев

Загадка серебряного зеркала

Сказка о мальчике,
который видел свет

Евгений Юрьев

**Загадка серебряного
зеркала. Сказка о мальчике,
который видел свет**

«Издательские решения»

Юрьев Е.

Загадка серебряного зеркала. Сказка о мальчике, который
видел свет / Е. Юрьев — «Издательские решения»,

Миро видит свет там, где другие видят лишь пыль. Он живёт в мастерской
стекольщика и учится делать зеркала, показывающие правду. Но в городе
появляется Кривелла. Её чёрные зеркала дарят сладкие мечты, забирая души.
Город пустеет. Остановить зло может только Миро. Чтобы спасти учителя,
мальчик отправляется к Лесному Источнику. Там он узнает: любовь сильнее
страха, а правда побеждает ложь.

© Юрьев Е.

© Издательские решения

Загадка серебряного зеркала

Сказка о мальчике, который видел свет

Евгений Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0070-8261-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Мастерская на Облачной улице

Улица, на которой стояла мастерская, называлась Облачной. И не случайно. Старые дома с островерхими крышами взбирались здесь на холм так тесно и высоко, что в туманные утра их верхние этажи и вправду цеплялись за облака. А в ясные дни с чердаков можно было разглядеть, как за городской стеной серебрится излучина реки.

Но маленькому Мירו, когда он впервые оказался на Облачной улице, было не до красот. Ему исполнилось семь лет, и он был круглым сиротой.

Это случилось три года назад. Дождливим осенним вечером мальчик сидел на ступенях чужого дома, обхватив колени руками, и смотрел, как струйки воды стекают по сточной канавке. У него не было ни монетки, ни тёплого плаща — только рваные башмаки и серебряный кулон на шее, доставшийся от матери. Кулон ничего не стоил: тонкая пластинка с едва заметной гравировкой — крошечным деревцем с раскидистыми корнями. Но Мירו ни за что не согласился бы с ним расстаться.

Проходившие мимо горожане не замечали продрогшего мальчика. Кто-то спешил домой к горячему ужину, кто-то ворчал на погоду, кто-то пересчитывал в уме дневную выручку. Никто не остановился.

Никто, кроме старика с удивительно ясными глазами.

— Ты чего тут сидишь, малый? — спросил он, наклоняясь так низко, что капли дождя застучали по его широкополой шляпе. — Промокнешь ведь до нитки.

Миро поднял голову. Перед ним стоял высокий человек в длинном, выдавшем виды сюртуке с кожаными заплатками на локтях. От него пахло чем-то тёплым и терпким — не то печным дымом, не то расплавленным воском. В руке старик держал небольшой свёрток.

— Я не промокну, — тихо ответил Мירו, хотя зубы у него уже выбивали мелкую дробь. — Я просто жду.

— Кого?

Миро задумался. Ждать ему было некого — мать умерла от лихорадки прошлой зимой, а отца он не помнил вовсе. Но признаться в этом вслух означало признаться в том, что он остался на свете совсем один. А этого ему не хотелось даже самому себе.

— Не знаю, — честно сказал он наконец.

Старик помолчал, разглядывая мальчика. Потом вздохнул, снял свой просторный сюртук и набросил его на худые плечи Миро. Сюртук был огромен и тяжёл, но от него исходило удивительное, почти забытое мальчиком тепло.

— Меня зовут Кассий, — сказал старик. — Я стекольщик. А ты, стало быть, мой новый помощник.

— Разве? — удивился Миро, вытирая нос рукавом.

— Конечно. Раз ты никого не ждёшь, а я как раз ищу того, кто умеет ждать, — значит, мы друг другу подходим. Пошли. У меня в печи как раз греется ужин, а сам я, признаться, уже устал ужинать в одиночестве.

Так Миро оказался в крошечной мастерской на первом этаже старого дома с голубятней на крыше. И с первого же вечера понял, что попал в совершенно особенный мир.

Мастерская Кассия была заставлена странными и прекрасными вещами. Вдоль стен высились стеллажи, на которых поблёскивали готовые изделия: стеклянные шары с застывшими внутри цветами, тонконогие вазы, отливающие радугой, крошечные фигурки зверей, в которых, казалось, ещё теплилась жизнь. Но главное место в мастерской занимала печь. Огромная, сложенная из красного кирпича, она стояла в центре комнаты, как спящий дракон, и дышала жаром даже сквозь закрытую заслонку.

Рядом с печью, на длинном дубовом столе, лежали инструменты: длинные полые трубки для выдувания, деревянные формы, щипцы и ножницы всевозможных размеров. А на отдельной полке, под самым потолком, хранились баночки с цветными порошками — синим кобальтом, зелёной медью, рубиновой охрой. Кассий добавлял их в стеклянную массу, и тогда его изделия начинали светиться изнутри.

— Стекло — это остановленное мгновение, — сказал Кассий в тот первый вечер, помещивая деревянной ложкой в котелке с похлёбкой. — Понимаешь? Оно рождается в огне, жидкое, как вода, а застывая, сохраняет форму навсегда. Хороший стеклодув не просто делает вещи, он ловит свет.

Миро тогда почти ничего не понял, но кивнул. Ему было тепло, сытно и впервые за долгое время спокойно.

Шли месяцы, и мальчик всё глубже погружался в ремесло. Поначалу Кассий поручал ему самую простую работу: подметать пол от стеклянной крошки, сортировать банки с порошками, подносить дрова к печи. Но Миро оказался на удивление смышлёным. Уже через полгода он научился раздувать меха так ровно, что пламя в печи не колыхалось. Ещё через год — снимать нагар с тигля. А к десяти годам мальчик впервые попробовал выдуть свой первый стеклянный шар.

Шар вышел кривобоким, с толстым пузырьём на боку и трещинкой у основания. Любой другой мастер выбросил бы такую неказистую поделку, не задумываясь. Но Кассий долго вертел шар в руках, поднося его к окну и разглядывая на свет.

— Знаешь, что я вижу? — спросил он наконец.

— Брак, — вздохнул Миро, готовый провалиться сквозь землю.

— Я вижу, как ты старался. Вот здесь, — старик указал на кривой бок, — ты слишком сильно дунул, потому что боялся, что масса остынет. А здесь, — его палец коснулся трещинки, — ты замешкался, потому что хотел сделать всё идеально. Это не брак, Миро. Это твой первый урок, застывший в стекле. И он прекрасен.

Старик поставил неказистый шар на отдельную полку, над камином. Туда, где у других мастеров обычно красовались лучшие работы. Для Кассия же лучшей работой была та, что хранила в себе тепло старания.

С того дня полка над камином начала пополняться. Кривобокий шар, потом — почти ровная вазочка, потом — стеклянная птица с одним крылом чуть короче другого. Кассий называл эту полку «Лестницей мастерства» и говорил, что каждая ступенька здесь важнее самого высокого шпиля на городской ратуше.

Но был у Миро и другой дар — тот, которому Кассий не учил. Дар, который мальчик не мог объяснить даже самому себе.

Однажды, на второе лето своего ученичества, Миро отправился на рынок за мукой и сушёными яблоками. Был полдень, рыночная площадь гудела от криков зазывал, скрипа телег и кудахтанья кур. Протискиваясь между рядами, Миро вдруг остановился как вкопанный.

Перед лавкой старьевщика стояла пожилая женщина в выцветшем платке. Она держала в руках старую, поцарапанную брошь и пыталась продать её торговцу. Тот брезгливо морщился и предлагал за вещицу жалкие гроши.

— Да кому это нужно? — бубнил он. — Медь почерневшая, стекляшка мутная. Неси в переплавку, голубушка, больше ни на что не годится.

Женщина уже собиралась уйти, понутив голову, но Миро вдруг шагнул вперёд.

— Извините, госпожа, — сказал он, чуть запинаясь от собственной смелости. — Можно мне посмотреть?

Женщина удивлённо протянула ему брошь. Миро взял её бережно, как птенца. С виду вещица и вправду была неказистой: тусклая медь, мутный стеклянный камешек в центре. Но когда мальчик повернул брошь к солнцу, стекляшка вдруг ожила. Внутри неё загорелся крошечный, едва заметный огонёк — нежно-розовый, тёплый, как вечерняя заря.

— Откуда она у вас? — спросил Миро.

— От матери, — вздохнула женщина. — Она носила её в день свадьбы. Говорила, что камешек этот — от дедушкиного перстня, а тот перстень — ещё от прабабки. Старая вещь, бесполезная.

— Она не бесполезная, — сказал Миро, не отрывая глаз от розового огонька. — Она вас любит.

Женщина вздрогнула. А старьёвщик расхохотался:

— Любит? Стекляшка-то? Ты, парень, случаем, не перегрелся?

Но Миро не обращал на него внимания. Он видел то, чего не видели другие. Каждая вещь, сделанная с любовью или хранимая с нежностью, имела свой свет. У одних он был ярким и золотым, у других — бледным, едва тлеющим. Но он был. И этот свет рассказывал истории.

Брошь хранила тепло четырёх поколений. Прабабкины слёзы радости, дедушкино смущение, материнская надежда. Всё это сплелось в крошечном стеклянном сердечке, и Миро мог это увидеть.

— Не продавайте её, — сказал он женщине, возвращая брошь. — Или продайте кому-нибудь, кто это увидит. Такие вещи нельзя переплавлять.

Женщина прижала брошь к груди и, сама не зная почему, улыбнулась. А когда она уходила с рынка, Миро заметил, что розовый огонёк стал чуточку ярче.

Вечером он рассказал обо всём Кассию. Старик долго молчал, глядя на огонь в печи. Потом повернулся к мальчику, и в его глазах Миро увидел что-то новое — не удивление, не страх, а тихое, глубокое уважение.

— Я знал, что ты особенный, — сказал он. — Но теперь понимаю насколько. Ты видишь не просто красоту, Миро. Ты видишь любовь, которая в ней заключена. Это редкий дар, очень редкий. Береги его.

— Но почему другие не видят? — спросил мальчик.

— Потому что разучились, — вздохнул Кассий. — Люди смотрят на вещи и видят только их цену. Смотрят друг на друга и видят только одежду. Они забыли, что мир полон света, — нужно только захотеть его заметить. Ты же пока умеешь. И знаешь что? Именно поэтому из тебя выйдет отличный стекольщик. Потому что наше ремесло — это не про стекло. Это про свет.

С тех пор Миро начал замечать всё больше и больше. Он видел серебристое сияние, которое исходило от рук Кассия, когда тот работал с трубкой для выдувания. Видел золотистые искры, вспыхивающие над кастрюлей, когда соседка-булочница замешивала тесто с особенной любовью. Видел тёплое, медовое свечение, исходившее от старых книг в лавке переплётчика.

И он видел, как день ото дня светится сама Облачная улица. Не фонарями, а маленькими историями, скрытыми в каждом окне, в каждой двери, в каждой улыбке прохожего.

Три года пролетели как одно мгновение. Миро превратился в ладного, не по годам серьёзного мальчика десяти лет. Он уже неплохо управлялся с инструментами и даже начал помогать Кассию в простых заказах. Они жили душа в душу, и хотя Миро никогда не называл старика отцом, в его сердце Кассий давно занял именно это место.

В то утро всё шло как обычно. Солнце только-только поднялось над черепичными крышами, и его лучи, пробиваясь сквозь пыльное окно мастерской, рисовали на полу золотые полосы. Кассий возился у печи, раздувая угли. Миро, напевая под нос, раскладывал на столе инструменты. День обещал быть хорошим: им предстояло закончить партию зеркал для городской ратуши.

— Держи форму ровнее, — говорил Кассий, стоя у раскалённого тигля. — Зеркало не терпит кривизны.

— Оно вообще не терпит суеты, — отозвался Миро, вспоминая любимую присказку учителя. — Как и вы, мастер.

— Дерзкий мальчишка, — беззлобно проворчал Кассий, но в его глазах заплясали смешливые искорки. Он зачерпнул длинной трубкой немного расплавленного стекла и начал осторожно выдувать шар. — Когда-нибудь ты станешь лучшим стеклодувом в городе. И тогда ты поймёшь, что я был прав насчёт суеты.

— А когда я стану лучшим, вы наконец разрешите мне выдуть фигурку дракона?

— Посмотрим, посмотрим. Дракон — это тебе не шар. Дракон требует характера.

— У меня есть характер.

— У тебя есть упрямство, — поправил Кассий. — А это немножко другое. Впрочем, тоже полезное.

За разговорами они не сразу заметили, что с улицы перестали доноситься привычные звуки. Не скрипела тележка зеленщика. Не слышалось переключки соседей. Даже вездесущие голуби, обычно воркующие на карнизе, притихли.

Первым это заметил Миро. Он подошёл к окну и выглянул наружу. По Облачной улице струился поток людей. Мужчины, женщины, старики и дети — все они шли в одном направлении, вниз по холму, к центральной площади. У всех были странные, застывшие лица — не испуганные, не радостные, а какие-то пустые, словно идущие ещё не проснувшись.

— Мастер, посмотрите, — тихо позвал Миро.

Кассий отложил трубку и подошёл к окну. Он долго вглядывался в толпу, и его брови всё сильнее сходились на переносице.

— Странно, — пробормотал он. — Сегодня ведь не праздник.

— Может, сбегая узнать, что случилось? — предложил Миро, уже на шаривая ногой башмаки.

— Нет, — неожиданно резко ответил Кассий, и в его голосе Миро слышалась тревога. — Не сегодня. Дострогай лучше заготовки. Чует моё сердце, добром эта суета не кончится.

Но Миро не мог усидеть на месте. Он привык доверять своему чутью, а сейчас оно буквально кричало, что происходит нечто важное. Выждав, пока Кассий погрузится в работу, мальчик тихонько выскользнул за дверь.

На улице было ещё более странно, чем из окна. Люди шли молча, не глядя по сторонам, словно их вёл кто-то невидимый. Миро попытался заговорить с соседским мальчишкой, своим ровесником по имени Том, но тот лишь скользнул по нему пустым взглядом и пошёл дальше.

— Том? Том, ты что, не слышишь?

Никакого ответа.

Миро двинулся следом за толпой. Улица за улицей, переулок за переулком — и вот он уже стоял на краю центральной площади, вжавшись плечом в угол булочной.

То, что он увидел, заставило его затаить дыхание.

На площади, где раньше шумел рынок и крутилась карусель, теперь возвышался огромный чёрный шатёр. Он был сшит из блестящего, переливающегося материала, напоминающего сразу и шёлк, и чешую, и стёклышко. Вокруг шатра стояли странные зеркала — высокие, в человеческий рост, с рамами, извивающимися как замёрзшие змеи. Их поверхность была не серебристой, а матово-чёрной, и она не отражала солнечного света, а словно поглощала его.

Перед шатром, на небольшом возвышении, стояла женщина.

Она была одета в платье, которое двигалось само по себе — будто состояло не из ткани, а из множества живых чёрных осколков. Они перетекали друг в друга, позвякивали и ловили солнечные лучи, превращая их в тусклое сияние. Лицо женщины было прекрасным и холодным, как ледяная скульптура, а голос, когда она заговорила, разнёсся над площадью серебряным колокольчиком:

— Подходите! Подходите, жители славного города! Вы устали от забот? Вы разочарованы тем, что видите каждое утро? Мои зеркала подарят вам новую жизнь!

Миро смотрел во все глаза.

Одна за другой к чёрным зеркалам подходили горожане. Вот дородный купец, который вечно жаловался на налоги и седые волосы. Он глянул в чёрное стекло — и расплылся в улыбке, увидев себя стройным юношей с золотой короной на голове. Вот старуха-цветочница, лицо которой было изрезано морщинами, как кора старого дуба. Она замерла перед зеркалом и вдруг засмеялась — потому что увидела прекрасную девушку с венком из свежих роз.

— В моих зеркалах вы всегда будете молодыми правителями и прекрасными королевами! — продолжала незнакомка, и её голос обволакивал толпу, словно липкая паутина. — Никаких морщин, никакой бедности, никакой усталости! Только ваше истинное величие!

И тут Миро увидел это.

В тот самый миг, когда старуха-цветочница улыбнулась своему юному отражению, из её груди вылетело крошечное золотистое облако. Оно было тёплым, живым и пахло чем-то родным — не то свежеспечённым хлебом, не то мятой, не то материнскими руками. Облако замерло на секунду в воздухе, словно в нерешительности, а затем медленно поплыло к женщине в чёрном платье.

Та ловко, едва заметным движением, перехватила его и спрятала в хрустальный флакон, висевший у неё на поясе. Флаконов было много — десятки, и каждый светился изнутри слабым золотистым огоньком.

— Что же вы стоите? — снова зазвенел голос незнакомки. — Бесплатно! Только сегодня!

Толпа заволновалась, подалась вперёд. Люди выстраивались в длинную очередь, и каждый, кто заглядывал в чёрное зеркало, терял одно золотое облако. Одно за другим они перекочёвывали в хрустальные флаконы на поясе женщины.

Миро почувствовал, как к горлу подкатывает комок.

Он ведь видел эти облака раньше. Именно так, золотистым тёплым сиянием, светились вещи, хранившие любовь. Именно так светились руки Кассия, когда он работал. Именно так светилось лицо булочницы, когда она улыбалась покупателям. Эти облака были тем, что делало людей людьми. Их искренностью. Их добротой. Их способностью любить.

А теперь кто-то собирал их в бутылки.

— Эй, парень! — окликнула его женщина в чёрном, и Миро вздрогнул. — Хочешь попробовать? Для молодых у меня особое зеркало.

Она улыбнулась, и улыбка эта была как осколок стекла — красивая, но острая.

— Нет, спасибо, — пробормотал Миро, пятясь назад. — Я... я спешу.

— Спешить? — она склонила голову набок, и в её глазах мелькнуло что-то недоброе. — Куда же? К старому стеклодуву, который делает никому не нужные зеркала? Зря. Заходи, мальчик. Я покажу тебе такое, от чего ты не сможешь оторваться.

Сердце Миро гулко застучало. Она знала. Знала про Кассия, знала про мастерскую, знала про него. Но откуда?

Он развернулся и побежал. Сзади раздался тихий, переливчатый смех — словно зазвонили тысячи крошечных стекляшек.

Миро бежал по Облачной улице, а вслед ему, казалось, смотрели сами стены домов. Улица, которую он так любил, вдруг стала чужой и холодной. Двери соседей были закрыты. В окнах не горел свет.

У дверей мастерской он остановился перевести дух. И тут заметил, что на соседнем доме, прямо над водосточной трубой, висит небольшое чёрное зеркальце в витой оправе. Его не было здесь утром. Кто-то повесил его, пока Миро бегал на площадь.

Мальчик осторожно приблизился. Из зеркала на него глянуло лицо. Только это был не он. Точнее, это был он — но другой. В отражении Миро был выше ростом, в дорогой одежде, с уверенной улыбкой на губах. Рядом с ним стояли какие-то важные люди в шёлковых плащах, а у ног лежали груды золотых монет. Отражение манило, тянуло к себе. Оно обещало: загляни сюда, и всё это станет твоим. Тебе не придётся больше работать, не придётся мёрзнуть у печи, не придётся ни о чём тревожиться.

Миро сделал шаг. Ещё один. И ещё.

Но вдруг он заметил, что в отражении нет одного — серебряного кулона с деревцем, который висел у него на шее. Там, в зазеркалье, будущий Миро был без него.

Мальчик схватился за кулон, и пальцы нащупали тёплый металл. Тёплый. Живой.

— Нет, — сказал он вслух. — Это ложь.

Зеркальце мигнуло и погасло, став обычным тёмным стеклом. Миро отшатнулся и бросился в мастерскую.

Кассий сидел у печи и держался за сердце. Лицо его было бледным как полотно.

— Ты был на площади, — сказал он не спрашивая, а утверждая. — Я знал, что ты пойдёшь.

— Мастер, там... там женщина, она...

— Я знаю, — перебил его Кассий. — Кривелла. Я слышал о ней. Она появлялась в других городах, и после неё не оставалось ничего. Ни радости, ни песен, ни смеха. Только зеркала, в которые люди смотрятся до самой смерти.

— Но что она делает? Зачем ей наши... наши души?

— Не знаю, — покачал головой старик. — Но мы должны быть осторожны. Очень осторожны. Она не просто торговка. Она — тень, которая притворяется светом.

В этот вечер они долго сидели молча. Печь тихо потрескивала, отбрасывая на стены оранжевые блики. Миро смотрел на полку над камином, где стояли его первые неуклюжие работы, и думал о золотых облаках, запертых в хрустальных флаконах.

Где-то в городе, на центральной площади, чёрный шатёр Кривеллы тихо звенел на ветру, и всё новые и новые жители выстраивались в очередь за красивой ложью.

А на Облачной улице, в мастерской стекольщика, догорал последний честный огонь.

Глава 2. Госпожа Кривелла

Никто в городе не знал, откуда она пришла.

Одни говорили, что Кривелла явилась из-за северных гор, где снег лежит даже летом, а люди носят одежду из звериных шкур. Другие шептались, что она приплыла на чёрном корабле без парусов, который сам находил дорогу в тумане. Третьи и вовсе уверяли, будто Кривелла не пришла и не приплыла, а просто соткалась из ночного воздуха в час, когда на городской башне остановились часы. Враки, конечно: часы на башне шли исправно, их каждую среду смазывал маслом старый часовщик Грегор, и даже на прошлой неделе они пробили полдень ровно двенадцать раз, без единой задержки.

Правда, самого Грегора с той среды никто не видел. Говорили, он купил у новой торговли маленькое карманное зеркальце и теперь не выходит из дома — всё смотрится и смотрится в него, забывая про еду и сон.

Впрочем, давайте по порядку.

После того как Миро вернулся с площади и рассказал Кассию об увиденном, мастерская словно съёжилась. Нет, она не стала меньше размером — всё те же стеллажи, та же печь, тот же дубовый стол, — но что-то неуловимо изменилось в самом воздухе. Раньше он был пропитан теплом и терпким запахом расплавленного стекла, а теперь к этим родным ароматам примешивалось что-то холодное, сквозняковое, чужое.

Кассий осунулся. Он больше не напевал под нос, работая с трубкой, и даже «Лестница мастерства» над камином, казалось, потускнела — стеклянные фигурки больше не ловили солнечный свет, а словно прятались от него в тени.

— Надо предупредить людей, — сказал Миро на следующее утро. — Они ведь не понимают, что теряют.

Он стоял у двери, уже накинув куртку.

— Не ходи, — в который раз повторил Кассий, не оборачиваясь. Старик сидел у печи и смотрел на огонь так пристально, будто пытался прочесть в языках пламени какой-то древний, одному ему ведомый текст. — Люди не любят, когда им говорят, что они ошибаются. Особенно если ошибка приятная.

— Но вы же сами говорили: правда важнее приятности.

— Говорил, — вздохнул Кассий. — И всё равно не ходи.

Миро потоптался на пороге, разрываясь между послушанием и внутренним порывом. Послушание проиграло.

— Я быстро, — пообещал он и выскользнул за дверь.

Улица встретила его непривычной тишиной. Обычно по утрам Облачная звенела от десятков звуков: перекикивались соседки, развешивая бельё, стучали молотки в мастерской жестянщика, дребезжала тележка молочника. Теперь же над мостовой висело безмолвие — плотное, как ватное одеяло.

Миро прошёл мимо булочной госпожи Агаты. Дверь была приоткрыта, но внутри не горел свет. Он заглянул: булочница сидела за прилавком, бессмысленно улыбаясь своему отражению в маленьком круглом зеркальце на чёрной ручке. Рядом с ней, на дубовом подносе, остывали нераспроданные булочки с корицей. Обычно их разбирали ещё до полудня — вся улица знала, что у Агаты самое пышное тесто во всём городе. Но сегодня к булочной никто не подходил, и булочницу это, кажется, совершенно не волновало.

— Госпожа Агата? — тихо позвал Миро.

Она не ответила. Она смотрела в зеркальце и видела там не усталую сорокалетнюю женщину с руками в муке и сединой на висках, а юную красавицу с короной из полевых цветов. Отражение улыбалось ей такой ослепительной улыбкой, что настоящая Агата, глядя на него, тихо млела, и из её груди медленно, словно нехотя, вытекало золотистое облачко.

— Не смотрите туда, — сказал Миро, но булочница его не слышала.

Он двинулся дальше. У дома господина Лео, городского глашатая, стояла небольшая толпа. Это было странно: обычно люди обходили Лео стороной, потому что он имел привычку разговаривать с такой громкостью, будто зачитывал королевский указ даже тогда, когда просто спрашивал дорогу до рынка.

Сейчас глашатай стоял на крыльце. В руках у него было не привычное медное ведро, в которое он бил палкой, чтобы привлечь внимание, а зеркало. Огромное, в полный рост, в тяжёлой чёрной раме, украшенной змеиными головами. Судя по всему, Лео тащил его от самой площади — и, судя по красным потёкам на ладонях, рама была острой.

— Смотрите! — гремел он, и его голос разносился над улицей, как удар колокола. — Смотрите все! Вот он я — настоящий, великий! Не какой-то там зазывала с ведром, а советник короля, нет — сам король! Видите корону? Видите?

Корона в отражении и впрямь была. И пурпурная мантия. И трон. А вот золотистого облачка над головой Лео уже не было — оно, по-видимому, переключалось в один из хрустальных флаконов Кривеллы ещё вчера.

Миро почувствовал, как к горлу подступает горечь. Он знал господина Лео с детства. Тот был смешным, суетливым, иногда надоедливым, но добрым. По праздникам он покупал у уличных торговцев целые корзины леденцов и раздавал их детям прямо с крыльца, гремя своим ведром для смеха. Теперь же его глаза, ещё вчера живые и чуть безумные, стали похожи на два мутных стеклянных шарика.

— Господин Лео, — окликнул его Миро, протискиваясь сквозь молчаливую толпу. — Это неправда. Вы не король. Вы глашатай, и у вас лучше всех в городе получается объявлять праздники.

Лео на секунду замолчал. Его взгляд скользнул по лицу мальчика, но не задержался — будто Миро был пустым местом, пылью на ветру.

— Завидуешь, — равнодушно сказал глашатай и снова уставился в зеркало.

Толпа вокруг зашевелилась. Кто-то хихикнул, кто-то толкнул Миро локтем. Мальчик отступил. Он понял, что Кассий был прав: с людьми, уже попробовавшими красивую ложь, бесполезно говорить языком правды. Они его просто не слышали.

Весь день Миро бродил по городу. Он не мог заставить себя вернуться в мастерскую. Ему казалось, что если он ещё раз увидит бледное лицо Кассия и почувствует этот холодный сквозняк, то просто не выдержит.

Он побывал на Рыночной площади — там теперь почти не осталось торговцев, зато стояло уже три чёрных шатра. Он заглянул в Школьный переулок — школа была закрыта, а на дверях висела записка: «Уроки отменяются до особого распоряжения». Он даже сходил к городской стене, думая хоть там найти кого-нибудь, кто не попал под власть зеркала.

И нашёл.

У южных ворот, на старой, поросшей мхом скамейке, сидела девочка. Ей было лет восемь, не больше. Одета она была в простое, но чистое платье, а на коленях у неё лежала тряпичная кукла. Девочка не смотрелась в зеркало. Она просто сидела и гладила куклу по голове.

Миро подошёл ближе.

— Привет, — сказал он. — Ты почему одна?

Девочка подняла голову, и Миро увидел, что глаза у неё красные от слёз.

— Мама больше со мной не играет, — сказала она. — И папа тоже. Они купили вчера зеркало, большое такое, на ножках. И теперь всё время стоят перед ним и не разговаривают со мной. Я звала их завтракать, а они даже не обернулись.

Миро сел рядом. Он не знал, что сказать. Все слова, которые приходили в голову, казались пустыми и глупыми.

— Как тебя зовут? — спросил он наконец.

— Линни.

— А меня Миро. Я подмастерье стекольщика. У нас тоже есть зеркала, но они обычные. Честные. Если хочешь, приходи к нам в мастерскую. Там тепло, и мой учитель печёт картошку в золе.

Линни слабо улыбнулась.

— Спасибо. Может быть, приду.

Они ещё немного посидели в тишине. Потом Миро попрощался и пошёл к Облачной улице.

Уже смеркалось, когда он добрался до мастерской. Но у самой двери его ждал сюрприз. Вернее, не сюрприз, а засада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.